
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА СССР В ОБЛАСТИ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ КАДРОВ В ДЕТСКИХ ДОМАХ В 1930-Е ГГ.

А.А. Карасева

Кафедра новейшей отечественной истории
Московский педагогический государственный университет
пр-т Вернадского, 88, Москва, Россия, 119571

В статье анализируется эволюция государственной политики в области решения проблемы кадрового дефицита в детских домах в 1930-е гг. Освещены основные направления кадровой политики – подготовка кадров, меры по привлечению и удержанию штатного состава. Тема раскрывается в контексте кампании по борьбе с детской беспризорностью.

Ключевые слова: детские дома, кадровый дефицит, государственная политика, воспитатели.

Рассмотрение проблемы функционирования системы детских воспитательных учреждений (детдомов) имеет свою историографическую традицию. В рамках проведения комплексных, обстоятельных исследований ее касались В.В. Беляков, С.Д. Гладыш, К. Келли, А.А. Славко, Т.М. Смирнова, Е.Р. Ярская-Смирнова, П.В. Романов и др. (1).

В настоящей статье предпринимается попытка рассмотрения и оценки государственной политики в области решения кадрового дефицита в детских домах в 1930-е гг.: принципов, мер, кампаний, проведенных в общегосударственном масштабе. Данный подход представляется актуальным, значимым с точки зрения рассмотрения проблемы в ее полноте; обеспеченным широким корпусом опубликованных и архивных материалов, в том числе впервые вводимых в научный оборот.

Подготовка и переподготовка кадров для детских домов в 1920–1930-е гг. Создание и развитие в СССР государственной системы воспитательных учреждений базировались на новых идейных основах – государственной ответственности за судьбу и воспитание детей-сирот (в печати их традиционно называли «государственные дети»). Изменение принципов социальной политики обострило проблему кадров. Педагоги дореволюционной школы, лояльные к советской власти, не могли полностью удовлетворить назревшую потребность, кроме того, доверить им воспитание «нового человека» государство не могло, исходя из идеологических соображений.

В связи с этим первоочередное внимание было обращено на подготовку и переподготовку имеющегося кадрового состава. Еще в 1919 г. в Москве и

других крупных городах были открыты курсы для подготовки воспитателей детдомов. В 1925 г. специальное отделение социально-правовой охраны несовершеннолетних (СПОН) было создано при Ленинградском педагогическом институте им. А.И. Герцена. У его истоков стоял И.Г. Бельский. Научные исследования специалистов были связаны с разработкой способов возвращения беспризорного ребенка к полноценной жизни. Различались общие и индивидуальные методы в зависимости от факторов, препятствующих нормальной социализации (2).

В этом же году подготовка специалистов высшего звена по охране детства была начата при 2-м МГУ. Практическая направленность отделения отразилась в формировании учебного плана, в котором наряду с дисциплинами педагогического цикла, было предусмотрено изучение вопросов организации детских учреждений, охраны прав несовершеннолетних. Учебное расписание менялось ежегодно, за счет включения все новых дисциплин, большое внимание уделялось проведению практикумов и научных исследований студентов. Работа отделения неоднократно отмечалась СНК и ЦК ВКП(б) (3).

Занятия вели такие признанные специалисты, как С.С. Тизанов, В.И. Куфаев, Е.Н. Медынский, А.П. Пинкевич, М.Н. Гернет, И.И. Данюшевский (4).

Однако увеличение количества преподаваемых дисциплин вело к многопредметности, параллелизму, поверхностному изучению материала. Несмотря на острую необходимость специалистов по охране детства и заинтересованность государства в расширении сети учреждений по их подготовке студенты стремились получить профессию учителя, предоставлявшую большие материальные и моральные выгоды (выше заработная плата, наличие различного рода надбавок, общественное уважение и признание). В 1926/1927 уч. г. на отделении СПОН обучение велось на двух курсах – 1 и 4, последний закончили всего 19 чел. (5).

В 1928 г. несмотря на проводившиеся студентами и преподавателями исследования в области практики борьбы с детской беспризорностью отделение было решено расформировать. Это предложение на общем собрании поддержали сами студенты (6).

Таким образом, созданная система подготовки кадров ввиду трудностей организационного периода не могла компенсировать недостающее количество работников. Между тем воспитателями в 1920-е гг. зачастую становились лица, имеющие хоть какой-то опыт общения с детьми и самое смутное представление о педагогике (7).

Но власти в первую очередь волновала не низкая квалификация сотрудников. В материалах обследований повсеместно отмечалась «засоренность» кадрового состава детских домов. Так, обследователи в отчете о Барыбинском детском доме МОНО отмечали, что «зав. школой Якунин – белогвардеец, заведующий учебной частью Горятовский – служитель культа, заведующий хозяйством Денисенко – белогвардеец, заведующий сельским хозяйством – бывший поп из соседнего села...» (8).

В Чердынском детском доме воспитателем работала бывшая попадья, в Долгодеревенском детдоме Челябинского района – дочь бывшего пристава (9). Тем не менее критерий «классовости», провозглашенный в ведомственных директивах и инструкциях, на практике сталкивался с «субъективным фактором» – вольным прочтением или игнорированием в силу того, что заменить на местах существующий педсостав не могли, поэтому на социальное происхождение воспитателей нередко смотрели «сквозь пальцы».

Анализ кадрового состава детских учреждений позволил одному из корреспондентов журнала «Детский дом» Д. Савельеву выделить три группы работников:

- 1) «вполне преданные делу строительства социализма люди», систематически выполняющие поставленные перед ними государством задачи;
- 2) большая часть работников, которые в силу своей малограмотности и низкой квалификации не могут справиться с задачами воспитания;
- 3) и, наконец, «чуждые элементы» с противоречащей советской идеологией, саботирующие претворение задач коммунистического воспитания в жизнь (10).

Развертывание кампании по борьбе с детской беспризорностью требовало увеличения числа детских учреждений и значительного расширения штата педагогов и воспитателей. В связи с этим главным требованием властей явилась ускоренная подготовка специалистов. Массовой формой таковой в 1930-е гг. становятся краткосрочные педагогические курсы, слушателями которых были выдвиженцы из рабочей и крестьянской среды. Социальный состав курсов определялся в первую очередь фактором «доверия», социальной близости представителей пролетариев и крестьянской бедноты. Как отмечал Председатель Детской комиссии при ВЦИК Н.А. Семашко: «...ставка на работниц и крестьянок поможет разрешить больной до сих пор вопрос о кадрах. Эти не расхитят народное добро, не разведут бесхозяйственности, не будут бездушными чиновниками...» (11).

На более высоком уровне подготовка специалистов велась в педагогических училищах и институтах, часть выпускников которых отправлялась на работу в детские учреждения. В 1935–1940 гг. в детские дома было направлено 3800 выпускников училищ и институтов (12).

Командирования зачастую проводились против желания выпускников: в годы обучения они готовились стать учителями и категорически отказывались от направления в детские дома. Прибывшие на места кадры не соответствовали требованиям детского дома: изучая специальные педагогические дисциплины, они не знакомились с особенностями внешкольной работы – основной для воспитателя, проходили практику в школе, а с условиями закрытого воспитательного учреждения сталкивались уже на работе. Выпускники педучилищ – молодежь 17–18 лет, не имеющая надлежащего жизненного опыта, не могла совладать с коллективом бывших беспризорных.

О важности и массовой распространенности отмеченного факта можно судить, проанализировав обширную почту Н.К. Крупской, адресатами которой являлись, в том числе, педагоги и воспитанники детских домов. Надежда Константиновна отмечала: *«Какая у нас беда с детскими домами? Мы очень часто посылаем туда молодежь, которая жизни не знает, а ребята в детских домах жизнь знают»* (13).

Одним из путей решения проблемы стало привлечение на работу бывших воспитанников детских домов. В целом подобная практика давала хорошие результаты: они легче находили общий язык с детьми, отсутствие педагогического образования компенсировалось жизненным опытом. Один из воспитателей детского дома писал Н.К. Крупской: *«...Мы, бывшие воспитанники детского дома, ладим с ребятами. Как только приезжают из техникума, на завтра же они сматывают удочки, складывают чемоданы и – на станцию. Сразу же им жутко кажется...»* (14). Воспитанников, которые готовились к работе в детдоме, оставляли в нем до получения законченного среднего образования, из них укомплектовывали группы или целые отделения педагогических училищ.

Меры по привлечению штатного состава детских домов. Острый кадровый дефицит заставлял прибегать к экстренным способам пополнения числа воспитателей. В соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 31 мая 1935 г. «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» началась массовая мобилизация работников для детских домов. Плановые показатели позволяют судить о системе приоритетов. В первую очередь предполагалась замена существующего руководящего состава детских домов – директоров и их заместителей по учебно-воспитательной работе, не удовлетворяющих образовательным и классовым требованиям, за счет мобилизации 200 коммунистов и 500 комсомольцев с их персональным утверждением на уровне отдела школ ЦК ВКП(б) и ЦК ВЛКСМ.

Масштабы данной мобилизации позволяют представить остроту проблемы с руководящим составом детских домов, не соответствующим квалификационным требованиям. Особое место уделялось мобилизации рабочих с большим производственным стажем, которым предстояло наладить хозяйственную жизнь детских учреждений. Несмотря на неоднократные требования властей (да и повседневной жизни детского дома) об устройстве подсобных хозяйств и мастерских, большинство учреждений их не имело либо последние простаивали ввиду отсутствия сырья и квалифицированных инструкторов. Не менее важную задачу предстояло выполнить мобилизуемым на должности педагогов и воспитателей выпускникам пединститутов и педучилищ (соответственно 50 и 125 чел.). Последняя мера может рассматриваться как дополнительная к отмеченным выше направлениям на работу в детские дома, ежегодно проводившимся по окончании педагогических учебных заведений.

Постановлению нельзя отказать в проработанности: учитывались финансовые потери мобилизуемых работников после перехода на ставку сотрудника детского дома. Предполагалось установить повышенную заработную плату командируемым, не ниже той, которая была на последнем месте работы. Последующая разработка данного вопроса на уровне Детской комиссии при ВЦИК, дала возможность оценить общий объем разницы в ставках – 687 000 руб. и создать специальный фонд для компенсации работникам финансовых потерь в размере 2 040 000 руб. (15).

Кроме того, с целью воспрепятствовать неизбежной в ходе мобилизации текучке кадров среди комсомольцев в постановлении находим упреждающую меру – «обязать ЦК ВЛКСМ разработать специальное положение об этих работниках, предусмотрев в нем, что назначенный на эту работу комсомолец должен отработать не менее двух лет» (16).

Обращение к характеристикам с мест и сводным данным о мобилизуемых в счет «500» и «300», позволит оценить, насколько эффективно выполнялось постановление. В ряде регионов плановые показатели мобилизации остались только на бумаге.

Так, в Северокавказский край из 19 комсомольцев, мобилизованных по плану, прибыл только 1 чел. В Дальневосточный край и Карельскую обл. комсомольцы вовсе не были отправлены. Принудительный характер мобилизации, а также сжатые сроки для ее проведения привели к тому, что на места отправлялись сотрудники без надлежащей образовательной подготовки, не имеющие склонности к работе с детьми, особенно трудными. Многие работники приезжали с настроением как можно быстрее избавиться от этой «общественной нагрузки».

Статистический анализ сводных данных дает следующие результаты: из представивших сведения регионов 30,3% мобилизованных в счет «500» комсомольцев были уволены с работы и 30,2% со своими обязанностями не справлялись. Соответствующие показатели по мобилизованным в счет «200» характеризуют относительно более благоприятное положение – 10,1 и 9,9%. Мобилизованные работники испытывали трудности вследствие недостаточной методической подготовки, малограмотности, отсутствия навыков организации коллектива, умения работать по плану. Среди основных причин увольнения с работы можно назвать несоответствие занимаемой должности, нарушение финансовой дисциплины, бытовое разложение, грубое обращение и издевательства над детьми, призыв в Красную армию, увольнение по собственному желанию (17).

Коэффициент полезного действия кампании составил 39,5% (успешно справлявшиеся с работой) из общего количества мобилизованных в счет «500» и 88% – в счет «300» (достаточно высокий процент в условиях острого кадрового дефицита).

Однако первый этап «мобилизации» комсомольцев не смог удовлетворить имеющуюся потребность в сотрудниках детских домов.

В связи с этим ЦК ВЛКСМ специальным распоряжением инициирует повторную мобилизацию комсомольцев, которым предстояло заменить на местах не оправдавших себя на работе в детских домах или не явившихся в соответствии с распоряжением ВЛКСМ (18).

В результате мобилизаций в детских домах увеличилось количество воспитателей без педагогического стажа (10%), работающих в учреждении менее 2 лет (59%). В Казахской АССР 88% сотрудников работали в детдомах менее 2 лет, в Дагестанской АССР – 83%, ДВК – 84% (19).

Планомерная кадровая политика. При формировании принципов кадровой политики особое внимание уделялось анализу причин постоянной текучки среди сотрудников. Большая часть увольнений воспитателей по собственному желанию в 1930-е гг. обосновывалась тяжелыми условиями труда и низкой заработной платой (20).

Постоянный рост числа воспитанников (результат плановой кампании по борьбе с детской беспризорностью) срывал работу учреждения. Характерно следующее описание детского дома: сама обстановка *«действует деморализующе – голодные, разутые дети, неподдающиеся воспитанию, учебная работа там не может быть хорошо поставлена, нет ни пособий, ни учебников, ни равномерного прохождения программы ввиду того, что дети поступают с разной степенью обученности»* (21). Столь сложные условия работы требовали от педагога энтузиазма, любви к своему делу, заинтересованности в судьбах детей – качеств, далеко выходящих за пределы служебного долга. Балансирование между двух «огней» – коллективом бывших беспризорников и требованиями районного отдела народного образования – приводило к срывам в работе. Эмоциональное письмо воспитательницы Севастопольского детского дома Барановой с некоторой долей преувеличения рисует возможный путь воспитателя – или инвалидность, или скамья подсудимых (22).

Большинство судебных дел на воспитателей и административный персонал детских домов возбуждалось вследствие краж, растрат, непедагогических мер по отношению к воспитанникам – оскорблений, издевательств, избиений, изнасилования. Оградить воспитанников от проявлений жестокости со стороны подобных «воспитателей» в условиях острого кадрового дефицита было практически невозможно. Формулировки приговоров, статьи и соответствующий срок наказания говорят о том, насколько болезненно воспринимались подобные преступления советской общественностью (23).

Следствием подобных фактов являлось формирование стереотипа деятельности воспитателя и всего учреждения в целом, шедшего в разрез с официальным образом советского педагога, оживавшего на страницах специальной и художественной литературы.

Проблема тяжелых условий труда отчасти решалась за счет перевода трудновоспитуемых детей в специальные учреждения, расширения методической помощи сотрудникам детских домов, проведения конкурсов среди

детских учреждений и демонстрирование лучших образцов работы на страницах газет и журналов.

Не менее острыми являлись проблемы материального порядка: низкая оплата труда, отсутствие компенсации за переработку часов (вместо положенных 5 ч воспитатели находились в детском доме 10–12 ч) (24), надбавок, превышение плановой численности воспитанников, оставление без отпуска. Средняя заработная плата воспитателя в 1935 г. по 23 краям и областям РСФСР составляла 207,3 руб. в месяц. Самая низкая зарплата была в Северном крае – 119,8 руб., самая высокая – в Якутии – 437,5 (25).

Шагом вперед в этом вопросе было введение дифференцированной оплаты труда и премиального фонда (26). На основании постановления ЦИК и СНК СССР от 5 августа 1934 г. «О назначении пенсий и периодических прибавок работникам детских домов» (27) воспитатели и педагоги пользовались также правом на пенсию наравне с учителями средних школ. Каждый год работы в детском доме засчитывался как два года работы в школе. Для поощрения постоянного штатного состава и повышения заинтересованности в работе новых сотрудников были введены периодические прибавки за выслугу лет. Стаж для получения прибавок до 1 января 1933 г. устанавливался в 1 год. Первоначально в стаж засчитывалась педагогическая работа только в советское время, позднее, приняв во внимание, что костяк состава детских домов составляли «бывшие», – так же и в дореволюционный период. Исключение составляли бывшие классные надзирательницы, классные дамы, а также преподаватели основ религии (28).

В 1937 г. была утверждена тарифная сетка для работников детских домов. При начислении заработной платы принимался во внимание стаж работника и место работы – город или сельская местность, преимущество отдавалось первому. Кроме того, поощрялось повышение квалификации среди сотрудников: воспитатели и инструктора, не имеющие законченного среднего образования, тарифицировались по второму разряду минус 10%; закончившие высшие учебные заведения – по первому разряду плюс 10% (29).

Одним из шагов в ходе разрешения кадрового вопроса было утверждение типовых штатов детских домов. Ранее критерием определения необходимого кадрового состава являлся общий фонд заработной платы. Нагрузка на одного воспитателя в соответствии с типовыми штатами составляла в дошкольном детском доме 25 воспитанников при 5-часовом рабочем дне, в школьном детском доме – 33–40 детей при той же длительности рабочего дня. Нередко дирекция учреждения за счет средств, получаемых от платных воспитанников (содержавшихся за счет родителей в учреждении) и доходов от подсобного хозяйства, принимала на работу необходимых сотрудников – методистов, руководителей кружков, нянь, медсестер и др.

Устраивавшимся на работу воспитателям предоставлялась жилплощадь на территории детского дома, если таковой не было – директор оплачивал за

счет учреждения съемное жилье (30). Выявленные архивные материалы позволяют судить о том, что данное обязательство соблюдалось: многие сотрудники и после увольнения продолжали жить на территории детского дома (31), что составляло уже другую проблему.

Меры материального стимулирования, расширение методической помощи преподавателям, сеть курсов и педтехникумов и, в первую очередь, мобилизации в детские дома позволили уже в 1935–1936 гг. добиться очевидных результатов. Обработка сводных данных по кадровому составу позволяет представить обеспеченность сотрудниками усредненного детского дома. Так, в 1936 г. (через год после начала массовых мобилизаций) на один детский дом приходилось 6 воспитателей и пионервожатых, 1 инструктор по труду. Однако повсеместно не хватало заместителей по воспитательной работе и медицинского персонала (0,3 и 0,7 на одно учреждение соответственно) (32).

Сохраняла свою остроту и проблема текучки кадров среди сотрудников детских домов. Как отмечалось в «Сборнике по вопросам охраны детства» (официальный орган Наркомпроса), до 50% работников из наиболее квалифицированных ежегодно переходили на другую работу (33). Подобный факт явился следствием характерной для тех лет переброски лучших сотрудников для налаживания работы на «отстающих участках».

В 1935 г. был издан циркуляр Наркомпроса «О запрещении перемещения работников детских домов без разрешения край(обл)ОНО» (34), однако практическое положение подтвердило необходимость принятия в 1940 г. аналогичной специальной инструкции (35).

Проблема кадрового дефицита продолжала сохранять свою актуальность на протяжении рассматриваемого периода также вследствие постоянного расширения типовых штатов (включение новых штатных единиц, увеличение количества имеющихся ставок): в 1940 г. отмечалась нехватка 2937 воспитателей (36). Восполнению дефицита препятствовали идеологические принципы кадровой политики советского государства. Так, в детские дома запрещалось принимать, даже на должности кухарок или уборщиц, спецпереселенцев (37).

Развернутая в 1937 г. кампания по борьбе с «врагами народа» напрямую касалась и детских домов. Просчеты и недостатки нередко выдавались за проявления умышленного «вредительства»: *«Враги народа пробрались к руководству органами народного образования и детскими домами. Контрреволюционеры, вредители, а то и просто воры и жулики, к сожалению, пробрались кое-где в детдома и «руководят» (конечно, по-своему) воспитанием детей»* (38). Начались увольнения заведующих детскими домами с формулировкой «развал работы в условиях полной бездеятельности» (39).

Сокращение числа сотрудников детских домов также явилось следствием Указа Президиума Верховного совета СССР от 26 июня 1940 г.: за неявку или опоздание свыше 20 мин воспитатели и другие работники должны были

привлекаться к уголовной ответственности. На смену уволенным зачастую приходили малоподготовленные выдвиженцы.

В постановлении СНК РСФСР № 209 от 03 апреля 1940 г. отмечалось, что по учтенным 22 областям из 2775 воспитателей 1117 чел. (40,3%) имеют низшее образование (40).

Из 1205 директоров детских домов квалификационным требованиям (наличие высшего образования) удовлетворяло только 45 чел. (3,7%) (при этом низшее имели 210 чел. (17,4%)) (41).

Естественно, что при таком составе работников детский дом не мог оставаться на высоте своих задач. Нехватка квалифицированных кадров и в средней школе (42), приоритетно снабжавшейся специалистами, несоблюдение плана выпуска в педагогических учебных заведениях среднего и высшего звена лишь отчасти объясняют сложившееся положение. Особенно остро вопрос стоял в детских домах для трудновоспитуемых, физически и умственно дефективных, в которых сами условия работы требовали особого профессионализма от сотрудников. Несмотря на то, что ряд малограмотных воспитателей с большим стажем, накопленным опытом работы с детьми, отлично зарекомендовали себя, вопрос повышения образовательной подготовки нуждался в скором решении.

В связи с этим на 1941 г. планировалось расширение сети учебных заведений среднего звена (8–10 педучилищ с контингентом учащихся 3000 человек). Также предполагалось воссоздание специальных отделений при пединститутах (2 отделения с контингентом 100–120 чел.) (43) для подготовки в первую очередь руководства детских домов.

Таким образом, планомерная кадровая политика в 1930-е гг. позволила отчасти решить проблему дефицита сотрудников детских домов. Ценные результаты дала практика привлечения на работу бывших выпускников детских домов, кадровых рабочих; в перспективе – организация специальных отделений при педагогических институтах.

Разрешение проблемы кадрового дефицита коррелировалось растущим количеством детских учреждений, не обеспеченных штатным составом воспитателей и педагогов, задачей повышения учебно-воспитательного уровня и соответствующим увеличением количества ставок, идеологическими принципами государства.

Отмеченные факторы способствовали пропорциональному увеличению мер количественного, а не качественного решения вопроса (мобилизации, принудительные направления выпускников-педагогов на работу в детские дома), при сохранении и расширении мероприятий, связанных с повышением образовательного и профессионального уровня сотрудников, их материальной заинтересованности в работе. Мобилизации позволяли достичь очевидных результатов, но закрепление на работе специалистов, принудительно направленных и столкнувшихся с тяжелыми условиями работы в детском доме, давалось с большим трудом. Несомненно, кампания

была бы более успешной, если наряду с чисто бюрократическими методами применялась бы широкая агитация, обсуждение в средствах массовой информации хороших примеров работы мобилизованных комсомольцев, как это делалось при призывах молодежи на «стройки коммунизма».

В настоящих условиях представляется актуальным принцип социальной ответственности государства за состояние работы с детьми-сиротами. Материалы статьи позволяют судить о государственном значении, которое придавалось изучаемой проблеме, заинтересованности партии и правительства в ее скорейшем разрешении.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) *Беляков В.В.* Сиротские детские учреждения России: исторический очерк. – М., 1993; *Гладыш С.Д.* Дети большой беды. – М., 2004; *Kelly C.* Children's world: growing up in Russia, 1890–1991. – L., 2007; *Славко А.А.* Борьба с детской беспризорностью и безнадзорностью в Советской России, 1917–1952 гг. – Сыктывкар, 2009; *Смирнова Т.М.* Детские дома и трудколони: жизнь «государственных детей» в Советской России в 1920–1930-е гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «История России». – 2012. – № 3. – С. 16–38; *Нужда и порядок: история социальной работы в России, XX век: Сб. науч. ст. / Под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой, П.В. Романова.* – Саратов, 2005; и др.
- (2) На пути к человеку. Развитие антропологических идей: От Санкт-Петербургского Императорского воспитательного дома к Российскому государственному педагогическому университету им. А.И. Герцена. – СПб., 2009. – С. 180.
- (3) ЦАГМ. – Ф. Р-714. – Оп. 2. – Д. 794. – Л. 31.
- (4) Там же. – Д. 933. – Л. 9 – 11; Там же. – Д. 660. – Л. 8.
- (5) Там же. – Д. 660. – Л. 23.
- (6) Там же. – Л. 30 – 30 об.
- (7) Выявленные в диссертационном исследовании Е.С. Шаховой анкеты воспитателей, принимавшихся на работу в детские дома, вполне подтверждают этот вывод. См.: Шахова Е.С. Становление и развитие государственной политики в области борьбы с безнадзорностью в 1917–1941 гг. (на материалах Курского края): дисс. ... к.и.н. – Курск, 2008.
- (8) ГАРФ. – Ф. 5207. – Оп. 3. – Д. 29. – Л. 16.
- (9) Беспризорность на Урале в 1929–1941 гг.: Сб. док-тов и мат-лов / Сост. Г.Е. Корнилов, И.А. Лаврова. – Екатеринбург, 2009. – С. 202.
- (10) *Савельев Д.* Детдом и кадры // Детский дом. – 1930. – № 4. – С. 14–15.
- (11) *Семашко Н.* Улучшение работы детских домов – путь борьбы с беспризорностью // Охрана детства. – 1931. – № 9–10. – С. 6.
- (12) ГАРФ. – Ф. А-2306. – Оп. 70. – Д. 5442. – Л. 62–63.
- (13) РГАСПИ. – Ф. 12. – Оп. 1. – Д. 255. – Л. 7.
- (14) Там же. – Д. 254. – Л. 28.
- (15) ГАРФ. – Ф. 5207. – Оп. 1. – Д. 972. – Л. 32.
- (16) Дети ГУЛАГа. 1918–1956 / Под ред. А.Н. Яковлева; Сост. С.С. Виленский и др. – М., 2002. – С. 185.
- (17) ГАРФ. – Ф. 5207. – Оп. 2. – Д. 52. – Л. 1–10.
- (18) Там же. – Оп. 1. – Д. 1161. – Л. 1 об.

- (19) Беспризорность на Урале в 1929–1941 гг... – С. 342.
- (20) Савельев Д. Детдом и кадры // Детский дом. – 1930. – № 4. – С. 17.
- (21) *Афанасова Е.Н.* История детской непризорности в Иркутской области: дисс. ... к.и.н. – Иркутск, 2007. – С. 132.
- (22) Из письма работницы Барановой (инициалы не указаны) Н.К. Крупской // Детский дом. – 1930. – № 4. – С. 14–15.
- (23) В приговорах подобных дел читаем: «высшая мера наказания», «10 лет лишения свободы», «3 года тюремного заключения», «принудительные работы». Подробнее об этом см.: ГАРФ. – Ф. 5207. – Оп. 1. – Д. 1162. – Л. 13, 17–18, 29 об. – Д. 1701. – Л. 15, Д. 1161. – Л. 12, 13; *К.У.* Не воспитатель, а зверь // Друг детей: Орган Всероссийского, Московского и Ленинградского областных советов ОДД. – 1930. – № 1. – С. 10; и др.
- (24) ГАРФ. – Ф. 5207. – Оп. 1. – Д. 925. – Л. 21.
- (25) Там же. – Д. 903. – Л. 19; для сравнения средняя заработная плата в СССР в 1936 г. составляла 207 руб. // <http://www.oposuu.com/wages.htm>.
- (26) Бюллетень наркомата народного просвещения. – 1933. – № 12. – С. 16.
- (27) Там же. – 1934. – № 30. – С. 6.
- (28) Сборник приказов и распоряжений по Наркомпросу РСФСР. – 1937. – № 15. – С. 8–9.
- (29) Там же.
- (30) ЦАГМ. – Ф. Р-528. – Оп. 1. – Д. 307. – Л. 5 об.
- (31) См. напр.: ЦАГМ. – Ф. 2469. – Оп. 5. – Д. 10. – Л. 167.
- (32) ГАРФ. – Ф. 5207. – Оп. 1. – Д. 1390. – Л. 32.
- (33) *Савельев А., Гунин Д.* Еще и еще раз о детском доме (печатается в дискуссионном порядке) // Сборник по вопросам охраны детства. – 1934. – № 6–7. – С. 14.
- (34) Сборник по вопросам охраны детства. – 1935. – № 1. – С. 57.
- (35) ГАРФ. – Ф. А-2306. – Оп. 70. – Д. 5395. – Л. 27–28; Уточнения: Там же. – Л. 59.
- (36) Там же. – Д. 5441. – Л. 1.
- (37) Беспризорность на Урале в 1929–1941 гг... – С. 243.
- (38) Сборник по вопросам охраны детства. – 1937. – № 6. – С. 1.
- (39) *Славко А.А.* Государство и непризорность в 1930-е гг.: система функционирования детских домов // Вестник Самарского государственного университета. – 2009. – № 1 (67). – С. 25.
- (40) Учебно-воспитательная работа в детских домах // Бюллетень Наркомпроса РСФСР. – 1940. – № 3. – С. 51.
- (41) ГАРФ. – Ф. А-2306. – Оп. 70. – Д. 5442. – Л. 64.
- (42) В 1936 г. среди учителей-предметников 72,9% не имели высшего образования (*Гришианов П.В.* Партийное руководство подготовкой и воспитанием учительских кадров в годы социалистической реконструкции народного хозяйства (1926–1937). – Саратов, 1983. – С. 102.), только в одной республике Мордовия в 1939/1940 уч. году требовалось дополнительно 1369 учителей (*Куршева Г.А.* Общество, власть и образование в условиях модернизации в СССР: конец 1920-х – 1930-е гг. – Саранск, 2007. – С. 151).
- (43) ГАРФ. – Ф. А-2306. – Оп. 70. – Д. 5442. – Л. 62–63.

**THE USSR STATE POLICY
IN THE SPHERE OF SOLVING THE PROBLEMS OF STAFF
IN CHILDREN'S HOMES IN 1930S**

A.A. Karaseva

Department of modern Russian history
Vernadskogo pr., 88, Moscow, Russia, 119571

The article considers the evolution of the state policy on personnel matters in children's homes in 1930s, as well as the main directions – training, measures to attract and retain personnel. This theme is revealed in the context of the campaign against child homelessness.

Key words: children's homes, state policy, personnel matters, teachers.